

ОЧЕРКИ ОБ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОМ

Представленные материалы подготовлены П.Г. Щедровицким (на основе открытых источников) в рамках проекта «Философия России XX века». Они служат для ознакомления с творчеством философа и для популяризации его работ. Еще одной задачей является сбор редких сведений о мыслителе и анализ малоизвестных тем его творчества.

Все материалы опубликованы на официальной странице П.Г. Щедровицкого в фейсбуке: <https://www.facebook.com/petr.shchedrovitskiy>

А также на официальной странице проекта ВКонтакте: <https://vk.com/rusphilosophy>

В конце каждого очерка дается ссылка на соответствующий пост в фейсбуке, где, ко всему прочему, часто можно найти дискуссии по теме.

При цитировании или использовании материала упоминание источника обязательно. Все права защищены ©

Официальная страница проекта «Философия России XX века»: <https://shchedrovitskiy.com/>

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВОДНЫЙ ОЧЕРК.....	4
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ.....	7
СТАНОВЛЕНИЕ ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО КАК УЧЕНОГО	9
ПРОБЛЕМА ЭМАНСИПАЦИИ ЛИЧНОСТИ.....	11
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РУССКОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ ИМ. М.М. ДАНИЛЕВСКОГО.....	13
«МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ».....	16
ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И МИЛЮКОВ.....	18
РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА.....	20
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ СРЕДА.....	22
«ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И КУЛЬТУРЫ.....	24

ВВОДНЫЙ ОЧЕРК

*«Господь всемогущий! Дух святой и Всесильный,
Разреши мои сомнения И откройся мне.
Или погрузи ум мой в нирвану бытия
И не стращай его снятием истины;
И оглуши его ударом грома,
Чтобы не мучиться ему желанием
Услышать то, чего не слышишь.
И ослепи его Ты молнией с небес,
Чтобы тщетно не напрягать ему зрение
В безысходной тьме.
Песчинка на дне морском - могу ли я
Приподняться над волной на чистый воздух,
Чтобы узнать лучи божественного солнца?!
Которые слились надо мной непроглядной тьмой.
Разверзни их и освети меня лучами твоей святости.
На миг мне дай полнейшего сознания,
И я паду перед Тобою ниц»*

Молитва, написанная А.С. Лаппо-Данилевским в юности

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский родился 15 (27) января 1863 г. в имении Удачное при селе Мало-Софиевке Гуляйпольской волости Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии. Его отец - Сергей Александрович Лаппо-Данилевский, был уездным предводителем дворянства, таврическим вице-губернатором; мать – Наталья Фёдоровна, урождённая Чуйкевич, происходила из дворянской семьи. Культурная обстановка состоятельной и образованной семьи позволила развиваться блестящим разносторонним способностям ребенка. Он получил хорошее домашнее образование, проявив равные склонности как к гуманитарным наукам, музыке, так и к математике. Около полутора лет семья Лаппо-Данилевских провела в Швейцарии. По возвращении на Родину он поступил в Симферопольскую гимназию, курс которой окончил в 1882 г. с золотой медалью.

На мировоззрении молодого человека сильно отразился его глубокий интерес к религии и философии. Как отмечал Гревс, Александр Сергеевич с ранней юности сильно и глубоко был проникнут «религиозностью, не ходячею, поверхностною, а глубокою, постоянно владеющую им мыслью о Боге, неослабном стремлении озарить повседневность образами высшего, вечного, встать под покровительство абсолютного начала». Подобная установка для второй половины атеистического XIX века была нетипичной. Постоянный глубоко интимный интерес к идеальному способствовал формированию Лаппо-Данилевскому в итоге как *историка-неокантIANца*.

Для времени формирования исторического мировоззрения Лаппо-Данилевского было характерно господство *позитивизма*. По труду Льюиса юноша знакомится с философией Конта и Милля, а под влиянием Тейлора, Спенсера и Грота обнаруживает склонность к изучению первобытной культуры и античного мира. Осенью 1882 г. Лаппо-Данилевский поступает на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. По словам Гревса, «с самого начала основным центром его занятий стала русская история, хотя не забывались и другие, уже сделавшиеся любимыми области: история всеобщая, философия, археология...». В 1886 году Лаппо-Данилевский окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и был оставлен

при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1890 году защитил магистерскую диссертацию «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований».

С 1890 Лаппо-Данилевский являлся приват-доцентом Санкт-Петербургского университета. Читал курсы по русской истории и историографии. Вёл семинары по дипломатике частных актов, теоретическим проблемам исторического источниковедения, философским проблемам общественных наук («Основные проблемы обществоведения», «Систематика социальных явлений разных порядков», «Практические занятия по теории эволюции в применении к обществоведению и истории», «Критический разбор главнейших учений о случайности», «Критический разбор главнейших учений, касающихся проблем чужого я» и др.). С 1906 вёл обязательный курс «Методология истории». В 1891—1905 также экстраординарный профессор Петербургского историко-

филологического института; работал в Тенишевском училище, вёл специальный курс по истории первобытной культуры человека в частной гимназии Л. С. Таганцевой.

Лаппо-Данилевский также вел активную общественную деятельность. С 1915 — член Русского исторического общества, в 1916 стал одним из учредителей и председателем Русского социологического общества. С 1917 — председатель Союза российских архивных деятелей, был сторонником масштабного реформирования архивного дела. Член Международного союза академий, председатель отдела культурных связей Русско-Английского общества. Был председателем исполнительного комитета по организации Международного исторического съезда в Петрограде в 1918, не состоявшегося из-за гражданской войны.

Александр Сергеевич придерживался либеральных политических взглядов. В 1905, вместе с академиком А. А. Шахматовым составил записку «О свободе печати», принятую общим собранием Академии наук 12 марта 1905. В 1906 был избран членом Государственного совета от Академии наук и университетов, принадлежал к левой группе членов совета, был близок к конституционным демократам. В том же году отказался от этой должности. В 1917 был членом комиссии по выработке избирательного закона в Учредительное собрание. Крайне тяжело воспринял большевистскую революцию и гражданскую войну.

В короткий послеоктябрьский период Лаппо-Данилевский, как и многие его коллеги по Петербургской школе, активно занимается архивной деятельностью. Он становится председателем Союза российских архивных деятелей (1917-1918 гг.). Его выступления и записки по архивному делу рисуют широкую программу реформ.

7 февраля 1919 г. Лаппо-Данилевский умирает в холодном и голодном Петербурге от заражения крови. Эту смерть его ученик А.Е. Пресняков связывал с распадом и гибелью старой научной культуры в послереволюционную эпоху: «Обстановка военного

времени, а затем революционного кризиса глубоко потрясла развитие той научной культуры, которой видным носителем и активным деятелем был А.С. Лаппо-Данилевский. Буря революции не вывела А.С. Лаппо-Данилевского из научной, академической сферы. Но крайне тяжело переживал он распад той культуры, которая его вскормила, и подрыв многого в той традиции, которая при всей ее исторической условности была носителем дорогих ему «абсолютных ценностей»... Носитель глубоких культурных традиций не вынес их трагической ломки». По замечанию И. М. Гревса, «может быть, смерть его, неожиданная и преждевременная, явилась протестом против свершавшегося, разливавшегося кругом зла, мрака, невежества, хаоса, насилия, кровопролития».

Основные работы:

«Скифские древности» (1887).

«Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» (1890).

«Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II» (1898)

«Основные принципы социологической доктрины О. Конта» (1902)

«Петр Великий — основатель Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге» (1914)

«Идея государства и главные моменты ее развития в России со времен Смуты до эпохи преобразований» (1914)

«Методология истории» (1910-1913)

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=552463098173925>

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

«Жизнь – в любви, но в любви не частной, принимающей во внимание индивидуальные интересы немногих и тем самым отрицающей интересы или противоположные, имеющие, может быть, разумное основание, основанной на личном семейном или даже национальном эгоизме, иначе называемом патриотизмом, но в любви, обращенной на все живущее, в доброй воле, благорасположении ко всему сущему, - в любви, основанной на сознании самого себя, как части мировой души, и вытекающем отсюда чувстве гармонии, высшего, нерушимого счастья и душевного покоя»

А.С. Лаппо-Данилевский

Еще в юности А.С. Лаппо-Данилевский глубоко заинтересовался религией и философией, что навсегда оставило след в его характере. Как отмечал Гревс, Лаппо-Данилевский с ранней юности сильно был проникнут религиозностью; им постоянно владели мысль о Боге и неслабое стремление озарить повседневность образами высшего, вечного, встать под покровительство абсолютного начала.

Для духовного облика А.С. Лаппо-Данилевского характерной является одновременная вера в науку и в Бога. Еще будучи молодым человеком, он записывает свои идеи в альбом, хранящий отпечаток духовного богатства автора. «Как ум наш не может постигнуть бесконечности Вселенной, так душа не может осознать абсолютного божества - Бога. И в то и в другое мы должны верить». Он считает, что благоразумный человек хранит веру не только в то, что доказано опытом, но и в то, что несет в себе божественный отпечаток, проявление высшего разума. «Песчинка в громадной пустыне, атом в неизмеримом теле - вот что человек материальный перед Вселенной и человек духовный перед Богом». Служение науке ощущается и осмысливается как важнейшая ценность и долг, отсюда - мучительные сомнения в своих способностях:

«Чувствую иногда неуверенность в себе. Во-первых, физически я слишком ничтожен, чтобы служить науке, во-вторых, и претензии очень большие: хочется быть не только простым добросовестным исследователем, но и ученым, который дает новое освещение не только некоторым проблемам научным, но и основным принципам науки. Не думайте, обращается он к М.С. Гревс, - что это самолюбие, это во всяком случае мои потребности и идеи».

Подобные сомнения усиливались размышлениями о смертности человека, а из них вытекала очень рано осознанная цель - успеть сделать как можно больше.

В 28-летнем возрасте в письме к своей жене Лаппо-Данилевский писал: «Личные чувства не должны мешать делу, которому служишь и которое выше всего частного. Только иной раз так страстно хотелось бы знать, долго ли будешь в состоянии служить этому делу. Если не долго, то надо бы поскорее свои теории обнародовать, не для того, чтобы высказать цельную систему, а лишь для того, чтобы по крайней мере несколькими мыслями дать другим толчок, повод, быть может, иногда новую теорию. Если долго, если есть время, то можно еще многое-многое обдумать и все представить в лучшем виде. Итак, успех работы зависит в значительной мере от того, что не знаешь, и элемент случайности вносится в такое дело, которое ничего случайного не должно было бы иметь». Кто знает, не этот ли высокий идеал и стремление все представить в лучшем виде были причиной того, что многие работы А.С. Лаппо-Данилевского не были опубликованы при жизни.

Исследователь творчества А.С. Лаппо-Данилевского – М.Ф. Румянцев – замечает: «Невозможно согласиться с А. Е. Пресняковым, который писал, что в силу особенностей воспитания, оторванности в детские и юношеские годы от «великорусской национальной стихии и традиций Московской Руси» Лаппо-Данилевский «был бóльшим “европейцем”, чем кто-либо из деятелей русской историографии, человеком иной культуры и иной духовной среды». Да, Лаппо-Данилевский был человеком европейски образованным, он не замыкался в рамках только российской исторической науки, но глобализм историческофской концепции Лаппо-Данилевского, нравственное стремление не только к истине, но и к правде свойственны именно русскому мировосприятию. И совершенно по-русски мучился Лаппо-Данилевский невозможностью воплотить свое миропонимание в конкретно-историческом исследовании. «Высокое напряжение теоретической (строющей) мысли, — писал Гревс — сопровождалось и нередко подкашивалось суровой критической работой. Всего сильнее и глубже она выражалась в строжайшей самокритике, заходившей часто за пределы, в каких она является плодотворной». Это обусловило глубокий трагизм личности Лаппо-Данилевского. Анализируя его характер, И. М. Гревс вспоминал: «В муках он творил, с мукою переживал, мучительно сходил, мучительно ощущал разногласие, болезненно реагировал на события, обстановку, людей, постоянно ощущал себя ниже взятой задачи; самочувствие его от этого принижалось без всякого реального основания».

Целенаправленно выработав собственное мирозерцание, Лаппо-Данилевский, по словам Гревса, преодолел “трагизм ощущения настоящей жизни оптимизмом во взгляде на грядущие судьбы мира, но — и это очень важно для понимания его личности — он остался глубоким пессимистом по отношению к самому себе”».

В записной книжке А.С. Лаппо-Данилевский напишет: «Что такое моя личная жизнь сама по себе? Жалкий и бессмысленный обрубок без начала и конца, меня вовсе не удовлетворяющий. Но если я на себя взгляну как на частицу вселенной, а на свою жизнь как на микроскопическую долю мирового процесса, я буду видеть начало и конец такой жизни».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=552871188133116>

СТАНОВЛЕНИЕ ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО КАК УЧЕНОГО

«Есть два понятия, которые для меня особенно дороги: понятие истины и понятие правды. Под истиной я разумею логическую мысль, мысль строгую, беспристрастную, безмятежную, но и безнадежную. Под правдой я разумею не логическую мысль, а нравственное чувство, то чувство, благодаря которому он не только рассматривает свою жизнь, как субъективное патологическое явление, не только возвышается до объективного его изучения, но ею участвует и в окружающей жизни. Человек, в противопоставлении со вселенной, такое ничтожество в пространстве, о котором и говорить нечего и думать не стоит. Но если он будет рассматривать себя, как атом, как частицу, хотя бы малейшую частицу мирового здания, как шорох, незначительный звук в гармонии вселенной, словом, если мы взглянем на себя, как на участников в мировой жизни, не человеческой только, но именно мировой, - тогда получим значение и станем на свое место. А между тем, занять такое место человек может лишь тогда, когда он станет служителем начала истины и правды, когда подчиниться взаимодействию этих начал. Вот почему для меня особенно дороги эти два понятия»

А.С. Лаппо-Данилевский

Отечественный исследователь С.Н. Погодин пишет о становлении Лаппо-Данилевского как историка следующее: «Большое влияние на будущего историка оказала его мать – Наталья Федоровна (урожденная Чуйкевич). Она с раннего детства сумела привить юноше любовь к чтению, иностранным языкам. Благодаря ей он знал в совершенстве основные европейские языки. Рано познакомился со многими научно-теоретическими концепциями западноевропейских ученых.

Сильное впечатление на молодого человека произвела «История Греции» Дж. Грота. О влиянии этого труда на мировоззрение А.С. Лаппо-Данилевского следует сказать особо. Эта работа стала «эпохой» в историографии античного мира. В своем исследовании Дж. Грот дал блестящую, оригинальную и живую картину древнегреческой политической жизни. Особенностью работы было то, что автор впервые показал историю государства проникнутую новым тогда, особенно в отношении к античной жизни, духом либерализма и демократизма. Книга Дж. Грота воспитывала понимание связи исторических изучений с углубленным познанием общих вопросов политической и общественной жизни, объединяло интерес к истории с размышлением над проблемами общественной и личной этики.

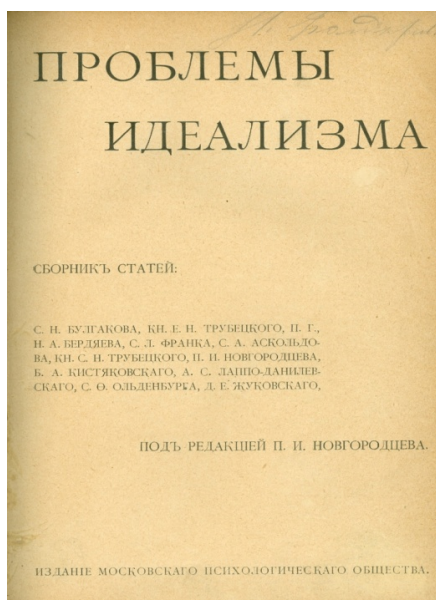
Все это в определенной мере было хорошо усвоено А.С. Лаппо-Данилевским и на протяжении всей своей жизни он был верен принципам *демократизма и либерализма*. Как и у большинства его сверстников, интеллектуальный облик Лаппо-Данилевского складывался под влиянием книг. В круг его чтения входили произведения Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеки, Монтескье, Вольтера, Канта, Маккиавели, Гизо, Карлейля. Определенное влияние оказала на него публицистика Н.К. Михайловского»

В гимназические годы А.С. Лаппо-Данилевский начал заниматься философией. В своей автобиографической заметке он отмечал, что по популярному труду Льюиса «История философии» познакомился с системами Конта и Милля, а под влиянием Тэйлора, Спенсера и Грота стал увлекаться первобытной культурой и античным миром. Отрочество и юность прошли в напряженной духовной работе. От дворянского воспитания в нем осталась некоторая внешняя чопорность, педантичность, приятные манеры. Но главное хорошее знание иностранных языков, знакомство с Европой (его

семья провела несколько лет в Швейцарии), огромная тяга к культуре, стремление к образованию.

Большое влияние на формирование мировоззрения А.С. Лаппо-Данилевского оказал позитивизм. Именно это новое европейское направление в философии, прежде всего сказалось на трактовке русским ученым содержания истории. В своей магистерской речи произнесенной 9 мая 1890 года он определил главное содержание истории как, «науки, которая изучает явления развития, обнаруживающиеся во взаимодействии живых индивидуумов», эта наука «следит, главным образом, за развитием того взаимоотношения, в каком находились между собою явления духовные, хозяйственные и правовые в пределах разнородных социальных групп (народов), а также за тем положительным или отрицательным влиянием, какое эти группы (народы) оказывали друг на друга при таком развитии». Воззрения Лаппо-Данилевского как историка определялись сознанием необходимой связи исторической науки с общими философскими проблемами, с социологической ориентировкой ее задания, с вопросами личной и общественной этикой.

Учение О. Конта и теория позитивизма оказали большое влияние на А.С. Лаппо-Данилевского, но он не был слепым подражателем европейских учений. Свидетельством тому его работа **«Основные принципы социологической доктрины О. Конта»**, помещенная в сборнике «Проблемы идеализма» (1902 г.). А.С. Лаппо-Данилевский всесторонне и обоснованно критикует учение О. Конта, указывая на догматизм многих его построений, на смешение теоретического и эмпирического уровней знания, подмену научного понимания закона эмпирическим обобщением, пренебрежение психологией и отрицание понятия «субъект» и значение личности. Можно сказать, что сформировавшийся подход Лаппо-Данилевского представляет собой оригинальную и специфическую версию позитивизма.

С.Н. Погодин так характеризует научный облик Лаппо-Данилевского: «Ученый широчайшей культуры А.С. Лаппо-Данилевский осмысленно принял наследие отечественной и европейской науки. Живо, заинтересованно и творчески отзывался на успехи гуманитарных, естественных, теоретико-физических и математических наук. Ему особенно дороги были, и это он искал во всех науках, этические идеалы... Применяя эти достижения в своих научных исследованиях, его слово как историка и мыслителя явилось значительным вкладом в европейскую науку и культуру».

На фото – Сборник «Проблемы идеализма» (1902), в котором была опубликована работа А.С. Лаппо-Данилевского «Основные принципы социологической доктрины О.Конта»

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=553279908092244>

ПРОБЛЕМА ЭМАНСИПАЦИИ ЛИЧНОСТИ

«...в XVIII в. завязывались узлы, которые приходилось распутывать или еще больше запутывать в настоящее время. От того, как мы будем понимать это время, зависит многое в настоящее время. От того, как мы будем понимать это время, зависит многое в настоящем и будущем, а между тем это время и остается почти неизвестным. Осветить его надлежащим образом – задача благородная и необходимая»

А.С. Лаппо-Данилевский

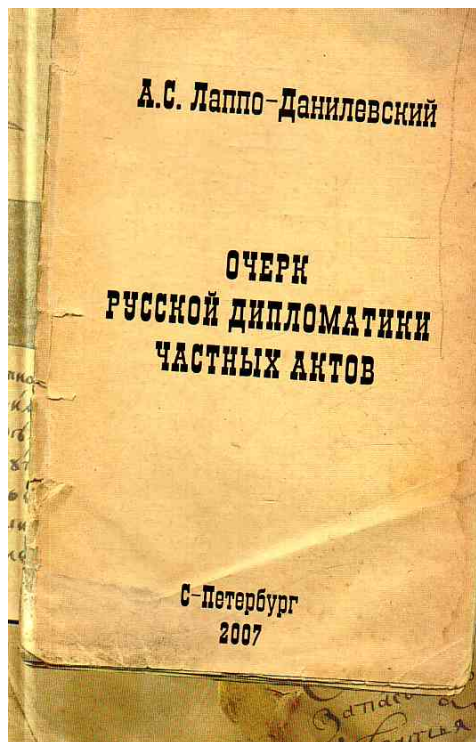
Проблему эмансипации человеческой личности А.С. Лаппо-Данилевский затронул еще в своей магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразования» (1990). В торговых и промышленных компаниях он усматривал одну из форм организации общественных сил, в которых проявлялось возникающее начало «личности» и ее взаимодействие с государством. Факты экономической истории историк использовал для обоснования кавелинской идеи о зарождении в XVIII веке личности. К.Д. Кавелин определял высшую фазу исторического развития русского народа не только понятием «государство», но и понятием «личность». «У нас не было начало личности, - писал он в 1846 году, - с XVIII века оно стало действовать и развиваться. оттого-то мы так тесно сблизилась с Европой».

Постепенно научные интересы А.С. Лаппо-Данилевского сместились от истории учреждений и общественных сословий к истории идей. Особенно внимание исследователя привлекла екатерининская эпоха, поскольку в ней он видел истоки формирования в русском образованном обществе идеи эмансипированной личности, чему способствовало влияние западноевропейского просвещения. К этому же времени он относил и первые проекты формирования российского общественного строя. Одной из лучших работ историка посвященных деятельности императрицы является «Очерк внутренней политики Императрицы Екатерины II». Исторический интерес внутренней политики Екатерины II А.С. Лаппо-Данилевский находил преимущественно в том, что она посвятила немало труда для решения, сообразно собственным своим взглядам на задачи «самодержавного правления и на сословный строй», вопроса о положении русского общества в государстве.

Ситуация начала XVIII в., по мнению Лаппо-Данилевского, давала русскому человеку «духовную и материальную опору для проявления своей личной инициативы и самостоятельности, которые влияли на развитие его индивидуальности». Но слабость развития и духовной, и материальной культуры привела к тому, что опора оказалась недостаточной. Поэтому «слишком рано было думать о свободной человеческой личности в виду подчинения ее той общественной группе, к которой она принадлежала в силу обстоятельств». Так А.С. Лаппо-Данилевский осмысливает торжество сословности в русском обществе, «в глазах русского человека XVIII в. сословная группа более и более становится обществом взаимного страхования свободной жизнедеятельности каждого из ее членов, наилучшей политической гарантией его гражданских прав». С этой точки зрения историк склонен был видеть в развитии сословности явление, прогрессивное для того времени, – государством были признаны права личности, хотя бы в пределах ее сословного положения.

Наиболее полное выражение проблема эмансипации личности получила в фундаментальном историческом труде А.С. Лаппо-Данилевского, его докторской диссертации – «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее

культуры и ходом ее политики». Замысел работы у него возник в начале 90-х годов XIX века. В автобиографии он писал: «Стал преимущественно заниматься исследованием русской общественной жизни XVIII в., материальных, а отчасти и духовных факторов ее культуры, и взаимоотношением, какое обнаруживалось между ее проявлениями и правовыми нормами».

Основным аспектом изучения истории культуры данного периода А.С. Лаппо-Данилевский считал **«развитие народного самосознания»**, борьбу идей, формирование «личного начала». Он писал: «Первый проблеск самосознания в народе, как и в отдельных лицах, является при сравнении своего национального «Я» с окружающей его средой. Но мало-помалу национальное «Я» начинает противопоставляться и квалифицироваться не «Я» и чему-нибудь такому, что имеет положительное, а не отрицательное содержание.

Русский народ с указанной нами точки зрения долгое время находился в неблагоприятных условиях развития. На первых порах ему приходилось сталкиваться большей частью с такими племенами, которые стояли ниже его по своей культуре. Лишь со второй половины XVI в. получил он возможность сравнивать себя с народами более развитыми.

События, которыми знаменуется период от XVI в. к XVII и от XVII в. к XVIII в. связи с такой сравнительной оценкой своего национального «Я», способствовали, конечно, более сознательному отношению русских людей к потребностям и задачам последующих их государственной жизни». Особую заслугу в формировании национального самосознания в XVIII столетии А.С. Лаппо-Данилевский отдавал правительству Петра I и русскому обществу второй половины XVIII в. По мнению А.С. Лаппо-Данилевского, «реформы Петра Великого хотя и не создали лица, как самостоятельной единицы общественного строения, но, во всяком случае, расчистили ту почву, на которой свободно могла с течением времени развиваться человеческая личность».

Важнейшими моментами в истории России этого столетия А.С. Лаппо-Данилевский считал «прогрессивную деятельность обновленного правительства и зачатки сословного строя», «апогеем развития – либеральные отношения просвещенного абсолютизма к зарождавшемуся русскому обществу» и, наконец, «то общественное брожение, которое несколько позже привело к 14 декабря 1825 г.».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=553725991380969>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РУССКОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ ИМ. М.М. ДАНИЛЕВСКОГО

Участие в организации социологической науки занимало важное место в работе Лаппо-Данилевского в последние годы его жизни. Большое значение для социологии имела деятельность Лаппо-Данилевского в Русском социологическом обществе им. М.М. Ковалевского. Архив ученого позволяет прояснить его участие в этой структуре. Данной проблеме посвящена статья А.В. Малинова «А.С. Лаппо-Данилевский – первый председатель Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского». Приводим некоторые выдержки из нее.

«24 марта 1916 г., т. е. на следующий день после смерти М.М. Ковалевского, К.М. Тахтарёв предложил ученикам покойного П.А. Сорокину и Я.М. Магазинеру основать в память скончавшегося ученого социологическое общество. Вечером 26 марта 1916 г. после «величественных похорон М.М. Ковалевского», на квартире Я.М. Магазинера прошло первое собрание «молодых социологов» (Н.Д. Кондратьев, П.И. Люблинский, Я.М. Магазинер, С.И. Солнцев, П.А. Сорокин, К.М. Тахтарёв), на котором было решено обратиться «ко всем представителям общественности, которые находились в этот момент в Петрограде <...> основать русское социологическое общество». Через несколько дней на квартире П.И. Люблинского (Лермонтовский проспект, д. 17) состоялось новое собрание, на котором помимо «молодых социологов» присутствовали А.А. Кауфман, Н.И. Кареев, Е.П. Ковалевский и С.К. Гогель. Здесь же было принято решение создавать общество как самостоятельную структуру, а не организовывать его в рамках какого-нибудь учреждения (университета, Психо-неврологического института и т. п.). Третье собрание, наиболее многочисленное, на котором был принят устав общества, прошло тогда же, весной 1916 г., уже на квартире Е.П. Ковалевского.

Спустя полгода после утверждения устава (17 мая 1916 г.) состоялось первое официальное (учредительное) собрание Социологического общества. Собрание прошло в воскресенье 13 ноября 1916 г. в 20.00 в здании Курсов П.Ф. Лесгафта по адресу: Английский проспект, д. 32. Председательствовал Е.П. Ковалевский, секретарем был Н.Д. Кондратьев. Началось собрание с речи Н.И. Кареева, посвященной памяти М.М. Ковалевского, затем обсуждались организационные вопросы, главным образом избрание комитета президиума общества.

Первым председателем Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского был избран А.С. Лаппо-Данилевский... Перед председателем и комитетом президиума стояла задача организовать содержательную работу общества, определить порядок и тематику докладов. Среди членов комитета не было единого мнения по этому вопросу. С.К. Гогель, например, предлагал не касаться пока общих вопросов, а доклады посвятить частным социологическим проблемам. На этом он настаивал в одном из писем к Лаппо-Данилевскому С.К. Гогель предлагал первый доклад сделать самому Лаппо-Данилевскому о значении истории для социологии. Затем были предложены кандидатуры докладчиков: В.А. Вагнера «со стороны биологии, А.А. Кауфмана — политической экономики, А.Ф. Лазурского — психологии». Комитет президиума дважды собирался для решения этих вопросов и далеко не сразу пришел к компромиссному решению...

Круг вопросов, решение которых требовало участия Лаппо-Данилевского, был достаточно широк: ведение протокола, общие вопросы, издание журнала, выписка иностранных журналов, объявление в иностранных журналах о новом обществе, формирование ревизионной комиссии, избрание новых членов, как русских, так и иностранных, размер членских взносов и способ их взимания, распределение занятий

комитета, оплата помещения, в котором проходили заседания (Курсы П.Ф. Лесгафта), избрание почетных членов, организация печатных изданий и лекций, распределение порядка докладов и утверждение их тематики, решение вопроса о том, нужны ли предварительные тезисы докладов, регистрация общества.

Особое значение имел вопрос о собственном печатном органе Социологического общества. Перспективы основания специализированного издания по социологии вызывали сомнения у многих членов комитета.

Желая их развеять, В.А. Вагнер писал Лаппо-Данилевскому 11 декабря 1916 г.: «Я совершенно убежден в том, что именно у нас в России, где, по целому ряду причин интерес к Социологии запоздал, иметь свой постоянный орган печати, возле которого могли бы объединяться имеющиеся силы и необходимо, и неотложно. На последнем я настаиваю потому, что для организации журнала по Социологии нужна большая предварительная работа: необходимо теперь же озаботиться приобретением для нашего издания заграничных журналов по социологии; нужно теперь же редакторам отделов снестись с сотрудниками заграничных журналов и учеными соответствующих организаций»...

Политические события почти на полтора года прервали деятельность Социологического общества. Инициатором ее возобновления выступил К.М. Тахтарёв. 19 ноября (2 декабря) 1917 г. он направил письмо Лаппо-Данилевскому, где высказал следующее пожелание: «Я предлагаю Вам и Обществу самого себя в качестве инициатора его первого собрания и его первого докладчика. Я предлагаю сделать сообщение о задачах социологии и, если Вы и остальные члены Совета Общества, найдете предлагаемую мною тему вполне подходящей для первого собрания Общества и возобновления его деятельности, то я буду готов представить соответствующий доклад в самый короткий срок»...

В 1918 г. заседания Социологического общества проходили уже в главном здании Петроградского университета. В конце осени после долгого перерыва состоялось новое собрание, на котором с речами, посвященными памяти умерших членов Социологического общества (И.В. Лучицкого, А.Ф. Лазурского, Ф.К. Волкова), выступили Н.И. Кареев, И.И. Лапшин, Л.Я. Штеренберг и А.С. Лаппо-Данилевский. В этот же день К.М. Тахтарёв сделал сообщение о введении преподавания социологии в высших и средних учебных заведениях и постановке преподавания социологии в США, а на заседании 28 декабря 1918 г. он же выступил с докладом о системе социологии.

За работой Русского социологического общества, комиссий Академии наук, руководимых им, и создаваемых научных учреждений Лаппо-Данилевский следил до своей неожиданной смерти. Навестивший его в Военно-медицинской академии 6 февраля 1919 г. П.А. Сорокин вспоминал: «На прошлой неделе, когда я посещал его, он выглядел живым скелетом. Слабо улыбаясь, он рассказал, что несколькими днями ранее, по дороге в академию, упал и слегка повредил ногу. Три дня спустя я навестил его в больнице, где ему сделали хирургическую операцию. Лежа в больничной койке, этот умирающий человек

читал “Феноменологию духа” Гегеля. “Никогда не было времени внимательно проштудировать ее, — прошептал он. — Начну сейчас”. На следующий день он скончался...

Следующее собрание прошло уже после смерти Лаппо-Данилевского. 11 марта 1919 г. Председателем Русского социологического общества был избран Н.И. Кареев».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=554125821340986>

«МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ»

Основное философское произведение Лаппо-Данилевского — «**Методология истории**». Над темами, затронутыми в этом труде, ученый работал около двадцати лет. Многие сюжеты, вошедшие в «Методологию истории», предварительно рассматривались на практических занятиях, посвященных теоретическим вопросам социальных и исторических наук, которые Лаппо-Данилевский вел с 1899 года. Систематическое изложение они получили в общем курсе по методологии истории, к чтению которого ученый приступил в 1906 году. Этот курс постоянно перерабатывался и обновлялся: впервые он был издан литографским способом в 1909 году, а наиболее полное и завершённое издание вышло двумя выпусками в 1910 и 1913 годах.

Незадолго до смерти Лаппо-Данилевский вернулся к тексту своего исследования, вносил изменения и дополнения, а в 1918 году начал публиковать его частями в «Известиях Российской Академии наук». В 1923 году в Петрограде стараниями учеников и друзей был издан «первый выпуск» новой редакции «Методологии истории».

Лаппо-Данилевский предложил следующую структуру методологии истории как особой дисциплины:

- 1) Теория исторического знания;
- 2) Методы исторического изучения.
- 3) Методология источниковедения;
- 4) Методология исторического построения.

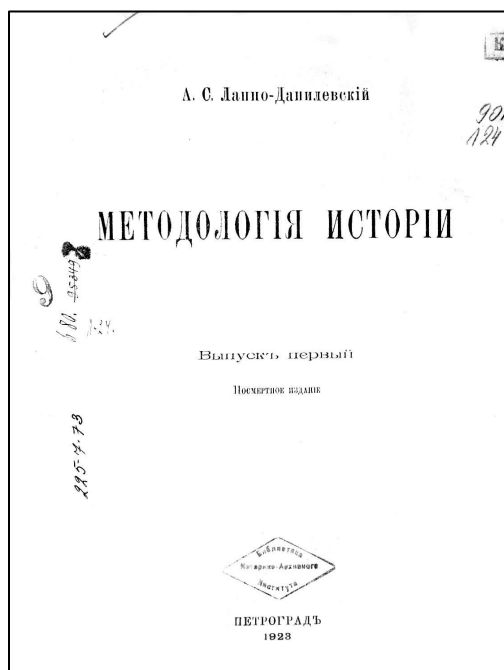
Основное ядро всей методологии истории, по мнению Лаппо-Данилевского, составляет теория исторического знания. Вторая часть методологии истории, согласно Лаппо-Данилевскому, в качестве составного компонента включает методологию источниковедения. Наконец, заключительный компонент методологии истории - методология исторического построения - «устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк объясняет, каким образом произошло то, что действительно существовало (или существует), строит историческую действительность».

К числу важнейших проблем социологического и исторического знания ученый относил учение о ценности. По мнению Лаппо-Данилевского, историк изучает индивидуальные события. Но «действительность, - писал он, - слишком разнообразна для того, чтобы можно было изобразить ее во всей полноте ее индивидуальных черт». Поэтому историк, как и естествоиспытатель, нуждается в критерии, с помощью которого он бы мог упрощать свой материал и выбирать из многоплановой действительности то, что имеет историческое значение. Такой критерий должен иметь всеобщее значение. Для признания всеобщего значения факта надо признать его ценность с точки зрения познавательной, этической или эстетической. «Само индивидуальное, - указывал в этой связи Лаппо-Данилевский, - нельзя признать существенным вне отнесения его к какой-либо ценности... История изучает человека, поскольку он содействует (или препятствует) реализации социальных, политических ценностей и т. п.; то же самое можно сказать и про событие. Таким образом, в отнесении данного факта к данной ему культурной ценности историк-ученый получает критерий для выбора фактов из многосложной действительности: он оценивает объект путем отнесения его к культурным ценностям, как наука, нравственность и искусство, церковь и государство, социальная организация и культурный слой и т. п.» .

Предельным понятием в концепции Александра Сергеевича была категория исторического целого. К образованию категории исторического целого, по мнению мыслителя, стремится идеографическое построение истории, нацеленное на изучение

конкретной действительности в ее индивидуальности. Как отмечает О.М. Медушевская, историка «...интересует возможность системного подхода к объекту гуманитарного исследования, который и характеризуется рассмотрением объекта как целостности, выявлением типов связей его элементов. Вне целого его часть не может быть правильно понята и интерпретирована - эту принципиальную идею системного подхода Лаппо-Данилевский неоднократно подчеркивает». С.П. Бычков и В.П. Корзун подчеркивают, что «учение Лаппо-Данилевского об историческом целом отвечало мировоззренческому климату эпохи, отмеченному стремлением к “целокупному видению мира”, и находится в генетической связи с идеями В.И. Вернадского о “ноосфере”».

Одним из первых рецензентов работы Лаппо-Данилевского был Н.И. Кареев. Он опубликовал в 1913 году в издаваемом им «Научном историческом журнале» рецензию на две вышедшие к тому времени части труда. По форме это краткий и в целом доброжелательный пересказ «Методологи истории». Отмечая эрудицию автора. Н. И. Кареев в то же время деликатно указал на громоздкость и сложность представленного материала, на трудность его восприятия в качестве учебного курса. «Быть может даже, — писал рецензент, — что обилие библиографических указаний в книге, долженствующей быть, как сказано на заглавном листе, „пособием к лекциям“ (а вероятно, и для приготовления к экзаменам), будет несколько обременительным для большинства учащихся, так как несомненно будет мешать им в усвоении основных мыслей курса, вообще, нужно заметить, не отличающегося легкостью. Книга А. С. Лаппо-Данилевского местами напоминает даже скорее ученый трактат, нежели курс лекций...».

Современники также отмечали незавершенность многих теоретических и философских взглядов Лаппо-Данилевского. «Виною тому, — считал ученик Лаппо-Данилевского Т. И. Райнов, — свойственная А. С-чу антипатия ко всякой догматической канонизации». На философскую неопределенность взглядов Лаппо-Данилевского указывал его критик Н. Д. Кондратьев, писавший: «...возможно, что А. С. Лаппо-Данилевский исходит из вполне определенных философских положений. Но он не формулирует их в своем труде». При этом Н. Д. Кондратьев однозначно признавал зависимость Лаппо-Данилевского от идей кантианства и неокантианства, отмечая разделяемое историком значение неэмпирических (априорных) элементов в составе нашего знания.

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=555558351197733>

ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И МИЛЮКОВ

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863-1919) и Павел Николаевич Милюков (1859-1943) принадлежали к числу ведущих русских историков рубежа XIX-XX вв. В начале XX в. их пути, в основном из-за степени участия в общественном движении, разошлись: Милюков проделал путь от ученого к политическому деятелю, использовавшему историю в качестве материала для обоснования своих политических прогнозов и претензий. Лаппо-Данилевский, будучи не чужд политике, остался в рамках ученой корпорации, фактически став во главе академической исторической науки предреволюционной России.

Знакомство Милюкова и Лаппо-Данилевского относится ко второй половине 1880-х гг. Приезды Лаппо-Данилевского в московские архивы начались еще в студенческие годы, и активно продолжились в эпоху магистрантства (Московский архив Министерства юстиции с 1886 г., Московский главный архив Министерства иностранных дел с 1887 г.). Милюков тоже был постоянным посетителем указанных московских архивов с 1887 и 1886 гг. соответственно. Но до 1889 г. в личных документах историков нет упоминаний друг о друге. По-видимому, их встреча произошла в апреле 1889 г. в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. Согласно поденным отчетам, Милюков и Лаппо-Данилевский были вместе в архиве 19, 21, 25, 26, 28 апреля. И, самое главное, занимались сходными документами – приказными делами XVII в. В ходе знакомства выяснилась и схожесть исследовательских тем – государственное хозяйство России. Вероятно, сблизило молодых историков и критическое отношение к старшему поколению петербургских и московских ученых. Результатом стала интенсивная переписка, которая была опубликована лишь в последние годы. П.А. Трибунский замечает по поводу переписки двух историков следующее:

«Письма историков давно и успешно используются в качестве источника по истории исторической науки, источника, позволяющего приблизиться к созданию целостного образа ученого, погруженного не только в научные штудии, но и в повседневные заботы, карьерные устремления, выстраивание отношений с властями, учеными, публицистами, издателями, журналами и т.д. Переписка позволяет заглянуть в творческую лабораторию историка, от момента возникновения замысла до публикации и откликов оппонентов. Для конца XIX-начала XX вв. переписка была составной частью образа жизни ученого, единственным возможным способом коммуникации на расстоянии. Отдельный интерес представляют сплетни и слухи о других ученых, а также оценочные суждения, которые ценны своей субъективностью и подчеркнутой категоричностью, характеристики, которые трудно представить в опубликованных работах. Переписка дает возможность увидеть за официальными документами Министерства народного просвещения неофициальные договоренности, а то и интриги, связанные с получением должностей в университете и продвижением по службе. Письма выступают в качестве одного из основных источников при описании такого понятия как “историографический быт”».

Переписка Милюкова и Лаппо-Данилевского не является исключением. Подавляющая часть переписки относится к 1889-1891 гг., периоду становления Милюкова и Лаппо-Данилевского как историков (Московский и Санкт-Петербургский университеты соответственно), вхождения в ученую корпорацию и начала карьеры, времени появления их первых серьезных трудов (диссертаций). Основной темой переписки стала диссертация Лаппо-Данилевского и возражения в отношении ряда спорных положений со стороны московского историка. Труд Лаппо-Данилевского лежал в русле

экономического направления в историческом изучении, исследования социальной истории России. Направления, которое оба историка считали актуальным для тогдашней исторической науки в противовес истории идей, характерной для предшествующего времени.

Помимо диссертации корреспонденты активно обсуждали научные предприятия (создание и деятельность Исторического общества), продвижения знакомых по службе, делились новостями и сплетнями о коллегах. Конец 1880-х-начало 1890-х гг. важны в общей истории исторической науки в России, как период выхода на сцену нового и постепенного отхода в прошлое старого поколения историков. Не менее важным было и сближение молодых историков двух столичных университетов. Наиболее рельефно этот процесс зафиксирован в переписке Милюкова с другим петербуржцем, конкурентом Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платоновым.

Близость исследовательских интересов и жизненных позиций Милюкова и Лаппо-Данилевского привели к возникновению достаточно откровенной и эмоционально-насыщенной переписки, правда, быстро сошедшей на нет. Инициатором ее прекращения, как представляется, был Лаппо-Данилевский, который болезненно отнесся к критике Милюковым его магистерской диссертации.

Свое недовольство Лаппо-Данилевский проявлял и публично: в дневнике Н. Н. Платоновой зафиксирована выходка Лаппо-Данилевского 2 января 1893 г. на именинах у В. Г. Дружинина, где он публично назвал Милюкова “глупым и прямо дураком” за речь на диспуте, ответ на рецензию П. В. Безобразова, и за академическую рецензию на собственную книгу.

Лаппо-Данилевский стал инициатором кратковременного возобновления переписки с Милюковым в 1900 г. Теперь позиции корреспондентов сильно изменились. Выбранный адъюнктом в Академию наук, Лаппо-Данилевский целиком отдался научной деятельности. Милюков, уже прочно ассоциировавшийся с оппозиционным общественным движением, после административной высылки в Рязань и пребывания в Болгарии осенью 1899 г. получил право жить в Санкт-Петербурге, где стал редактором научного отдела журнала “Мир Божий”. Темой первого письма было участие Лаппо-Данилевского в ужине памяти А. И. Герцена, одним из организаторов которого был Милюков. Посылая второе письмо, Лаппо-Данилевский пытался содействовать возвращению Милюкова к академической карьере, впрочем, безрезультатно. Общественное движение быстро захватило Милюкова, и корреспонденция достаточно скоро прекратилась. Последнее письмо, 1914 года, относится к разряду официальных писем-приглашений, и включено в подборку на основании того, что оно обращено к Милюкову и содержит подпись-автограф Лаппо-Данилевского.

По своему значению переписка Лаппо-Данилевского и Милюкова весьма важна для восстановления существенных деталей развития исторической науки, университетской жизни конца XIX в., биографии ряда историков. Интерес к переписке возник еще в СССР в 1960-1970-х гг., но не привел к ее публикации».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=556016274485274>

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА

«Многие проблемы, которые ставятся в процессе современных методологических исканий, были поставлены российской гуманитарной наукой еще на рубеже XIX – XX вв. И не только поставлены – была предложена целостная теория исторического знания, выработаны методы достижения строгой научности в гуманитаристике. Многие из эпистемологических проблем и способы их решения, которые разрабатывал Лаппо-Данилевский, не утратили актуальности в современной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации»

М.Ф. Румянцева

Практически все крупные работы А.С. Лаппо-Данилевский вызывали по выходу пристальный интерес и споры.

Начнем с монографии А.С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого налогообложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований». Эта работа была оценена С.Ф. Платоновым как положительная, но он отметил следование автора общей схеме юридической школы (изучение истории государственных учреждений в ущерб исследованию истории народного хозяйства). Перу Милюкова принадлежат две рецензии на эту работу (Отзыв в «Русской мысли» за 1900 год и развернутая рецензия по заказу Академии наук «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства»). Милюков подверг критике исследование ученого с точки зрения традиционных представлений московской школы о структуре научного труда, о роли теории в нем. На взгляд Милюкова, общие точки зрения автора (Лаппо-Данилевского) не всегда вытекали из конкретных материалов. Он настаивал на необходимости рассмотрения системы налогообложения в контексте эволюционного развития ее институтов. Итак, Платонов критиковал Лаппо-Данилевского за чрезмерное следование общей схеме, П.Н. Милюков – за недостаточное увязывание общих точек зрения с конкретным материалом.

Издание Лаппо-Данилевским «**Методологии истории**» (1910 г.) сразу же привлекло внимание как историков, так и философов. В качестве важных явлений можно отметить рецензии Т.И. Райнова и Н.Д. Кондратьева. Райнов очень высоко оценил философские достижения «Методологии истории» и полагал, что теоретическая работа Лаппо-Данилевского явилась одинокой попыткой выработки системы научного познания в общественных науках. Райнов считал недостаточно аргументированным вывод Лаппо-Данилевского о том, что во всяком познании человек стремится к единству знаний, так как вся аргументация в книге, по словам рецензента, сводилась к аналогии знания с сознанием, которое и характеризуется, согласно Лаппо-Данилевскому, единством.

Кондратьев в статье «Теория истории А.С. Лаппо-Данилевского» изложил основы методологии ученого и высказал ряд замечаний. С его точки зрения, неясным остался принцип систематического единства знаний. Понятие абсолютной ценности применимо к изучению истории как с идеографической точки зрения, так и с номотетической. По Н.Д. Кондратьеву, данное понятие нужно относить не только к «индивидуальному» (как заявляет Лаппо-Данилевский), но и к «типическому». Рецензент отметил глубину теории источниковедения Лаппо-Данилевского, подчеркивая, что автору удалось преодолеть существенные недостатки концепций своих предшественников.

Отношение советской науки 20-х гг. к труду А.С. Лаппо-Данилевского наиболее эксплицитно выражено в рецензии М.Н. Покровского на посмертное издание «Методологии истории» (Вып. 1. Пг., 1923). Покровский пренебрежительно заявил, что «как теоретическая работа она никакого интереса не представляет», а может быть использована лишь в качестве справочного пособия.

В конце 1930-х - начале 1940-х годов намечается более спокойное отношение к наследию Лаппо-Данилевского. Его ученики А.А. Шилов и А.И. Андреев читали курсы по археографии и источниковедению в Московском историко-архивном институте по Лаппо-Данилевскому, здесь же, в рамках института, проводилась мысль о преемственности в развитии архивного дела от дореволюционных историков к советским. А в 1943 г. на конференции историков-архивистов СССР подчеркивалась роль А.С. Лаппо-Данилевского в организации архивного дела и разработке архивной теории. В 1945 г. вышли в свет «Очерки по истории Академии наук».

В конце 1940 - начале 1950-х годов наблюдается отрицательная тенденция, связанная с идеологическими кампаниями того времени. Особый удар был направлен против историков старой школы. Эти тенденции нашли отражение в статье Л.В. Черепнина «А.С. Лаппо-Данилевский - буржуазный историк и источниковед». Лаппо-Данилевский назывался «историком-идеалистом реакционного типа», которому отводилось крайне правое место в лагере буржуазной историографии. Как совершенно справедливо замечает Ростовцев, статья Л.В. Черепнина носила характер официального приговора творчеству А.С. Лаппо-Данилевского.

В некоторых исследованиях конца 1960 - начала 1970-х годов начинают пересматриваться методологические взгляды историка. С конца 1970-х годов распространяется положительная оценка методологии Лаппо-Данилевского. Так, О.М. Медушевская, в частности, отметила, что концепция методологии источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского в теоретико-познавательном отношении стала наиболее цельным и систематическим учением об источнике, которое когда-либо было создано на базе идеалистической методологии истории.

В 1994 г. в связи с 75-летием со дня кончины Лаппо-Данилевского Археографической комиссией проведено заседание, материалы которого помещены в «Археографическом ежегоднике» за 1994 год. Была предпринята попытка создания целостного представления о творчестве Лаппо-Данилевского и намечена новая проблематика дальнейшего изучения творчества и биографии ученого.

Так, С.О. Шмидт поставил проблему изучения феномена научной школы историка, личных и научных отношений В.И. Вернадского и Лаппо-Данилевского, общественно-политической деятельности. В самые последние годы можно выделить работы Е.А. Ростовцева, в которых получает всестороннее освещение деятельность Лаппо-Данилевского как представителя Петербургской исторической школы.

О большом значении трудов Лаппо-Данилевского для современной исторической науки говорит проведение 4-5 октября 2013 года в Санкт-Петербурге всероссийской научной конференции «Академик А.С. Лаппо-Данилевский в истории науки и культуры (к 150-летию со дня рождения)».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=556375364449365>

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ СРЕДА

Представляет интерес место А.С. Лаппо-Данилевского в петербургской интеллектуальной среде конца XIX – нач. XX в. Данной проблеме посвящена статья Е.А. Ростовцева «А.С. Лаппо-Данилевский в петербургской университетской корпорации». Автор показывает, что исследует причины обособленного положения ученого в преподавательской среде и реконструирует ход его основных проектов. Ростовцев показывает, что Лаппо-Данилевскому удалось создать академическое пространство, параллельное официальному, в котором ученый реализовал собственную научно-исследовательскую программу. Ниже приводим выдержки из статьи:

«В мире высоких культурных ценностей, в котором, по замечанию современника, жил А.С. Лаппо-Данилевский, университет представлялся ученому храмом науки, возвышавшимся над общественными и партийными интересами. Отсюда категорическое неприятие А.С. Лаппо-Данилевским использования университета в качестве площадки для «освободительного движения», целям которого он как человек либеральных политических убеждений, несомненно, сочувствовал. Хотя, в отличие от многих своих коллег, А.С. Лаппо-Данилевский не оставил публицистических сочинений по университетскому вопросу, можно предположить, что ему был близок «гумбольдтовский идеал» университета — учреждения в академическом смысле автономного от государства и независимого от утилитарных интересов общества...»

Некоторые черты научно-организаторской деятельности А.С. Лаппо-Данилевского ярко проявились уже в студенческие годы. Поступив в университет, он сразу же активно включился в деятельность образованного по инициативе А.Ф. Гейдена в 1881 г. «Студенческого Научно-Литературного Общества», став не только одним из его формальных лидеров, но и постаравшись придать ему определенное научное направление. Напомним, что Общество возглавлялось профессором О.Ф. Миллером, а его активными членами были С.Ф. Платонов, И.М. Гревс, С.Ф. Ольденбург, В.И. Вернадский, Н.М. Дружинин, Д.И. Шаховской, Н.Д. Чечулин, Е.Ф. Шмурло и другие в будущем знаменитые ученые. На одном из первых заседаний Общества, в котором он принял участие, А.С. Лаппо-Данилевский выступил с речью программного характера, посвященной задачам студенческого объединения: «Позвольте мне, господа, сказать Вам несколько слов о том общем деле, которое соединяет нас сегодня и, надеюсь, долго будет соединять нас». Общая цель собравшихся, по мнению А.С. Лаппо-Данилевского, — товарищеское единение на научной почве. Смысл этой идеи разъясняется через этическое долженствование: «Я должен мыслить правильно, а потому и должен стремиться к научному мышлению. Но идея долга, хотя бы и научного долга, крепнет в общественной атмосфере, взаимно усматривая друг в друге так же этически-научное настроение, каждый гораздо сильнее испытывает его». Далее А.С. Лаппо-Данилевский отмечал: «Методически правильная научная мысль, конечно, будет обращаться и к обсуждению самых разнообразных тем; в научном мировоззрении должны будут найти себе место и те из них, которые ближайшим образом касаются студенческой жизни; в широком научном освещении они конечно потеряют свой исключительный интерес, но выиграют в понимании».

В 1885 г. А.С. Лаппо-Данилевский был зачинателем и руководителем (секретарем) «Научного отдела» Общества, а значит, координатором его научной деятельности, поскольку, согласно уставу Общества, в обязанности научного отдела входила вся организация занятий. В его записях сохранился план Общества по трем секциям: 1) естественнонаучной, 2) исторических наук, 3) литературы, 4) И.М. Гревс вспоминал, что

А.С. Лаппо-Данилевский был основателем специального исторического кружка в его недрах, в среде которого и начал свои беседы по методологии истории. Члены Научного отдела также ежемесячно обязаны были давать отзывы о новых книгах и сообщать «научные новости» по своей специальности. В обязанности Научного отдела входило предварительное рецензирование студенческих рефератов, читаемых в Общем собрании Общества, а на секретаре лежала обязанность составления общей программы занятий. Деятельность Общества была прервана по политическим мотивам в 1887 г. — одним из активных его членов был Александр Ульянов.

Одновременно с работой секретарем в Историческом обществе при Университете А.С. Лаппо-Данилевский вел активную работу по воссозданию более открытого научного общества (по типу закрытого Научно-литературного общества), отвечающего задачам научного познания и преподавания в широком смысле, а именно общемагистерского студенческого научного общества.

Таким образом, организуя академическое пространство историко-филологического факультета, А.С. Лаппо-Данилевский, по существу, создавал структуры, фактически неподконтрольные факультетскому совету, и, будучи «младшим преподавателем», смог организовать на факультете собственную научную школу, которой в этом смысле трудно найти аналог в университетской истории 1819–1917 гг. В этой связи вполне допустимо предположение о том, что оборотной стороной университетской активности А.С. Лаппо-Данилевского были его напряженные отношения со значительной частью профессорской элиты факультета, долгое время не желавшей включать ученого в свои ряды.

А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ.

ОЧЕРКЪ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., л. 28.
1898.

Не будет преувеличением заключить, что для А.С. Лаппо-Данилевского университет стал отправной точкой научной и научно-организаторской деятельности, здесь сформировались все основные черты его «профессионального стиля» (выдающийся энциклопедизм, напряженный источниковедческий поиск, тонкие методологические изыскания, масштабная рецензионная и научно-общественная работа, этико-философское понимание задач науки). И хотя центром формирования научного направления А.С. Лаппо-Данилевского становится Историко-филологическое отделение Академии наук, где в 1900–1910-е гг. ученый сосредотачивает свои основные научные проекты, университет и студенческая аудитория играют важную роль в реализации его исследовательской программы на всем протяжении его научной жизни такие известные историки, как А.И. Андреев, С.Н. Валк, А.А. Введенский, А.А. Шилов, В.Н. Кун, Н.И. Сидоров и др. Важно подчеркнуть, что влияние А.С. Лаппо-Данилевского на университетскую молодежь не ограничивалось его непосредственными учениками: на протяжении 1890-х — 1910-х гг. он являлся руководителем студенческих научных объединений, связанных с изучением русской истории и занятиями методологией социальных наук».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=556954421058126>

«ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И КУЛЬТУРЫ»

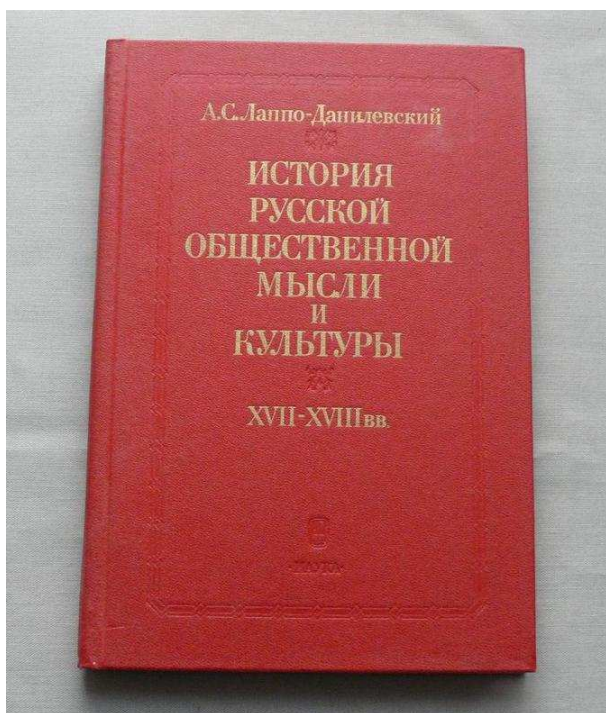
Главным трудом своей жизни А.С. Лаппо-Данилевский считал «Историю русской общественной мысли и культуры XVII-XVIII вв.». Как отмечают С.П. Бычков и В.П. Корзун, «ученым был собран и обработан огромный материал, продуман детальный план монографического исследования. Но постепенно хронологические рамки исследования расширялись, и в последней версии, подготовленной к изданию, охватываются XVII в. - 60-е годы XIX в. Данное исследование осталось незавершенным. В настоящее время опубликован лишь том, посвященный XVII веку. Не изданными остались третий отдел первой части (главы о просветительской политике Петра I, теории абсолютизма и имманентной идее государства); вторая часть, посвященная политическим идеологиям в русском обществе XVIII в., третья часть, освещающая развитие русского правосознания XVIII в.».

Лейтмотив работы – развитие научной и общественной мысли в России в связи с внешними влияниями и внутренними факторами. Следуя неокантианской традиции, А.С. Лаппо-Данилевский стремится выделить унифицирующие принципы национального мышления, которое на различных ступенях своего развития воплощалось в религиозной или светской форме. В средние века, как отмечает Лаппо-Данилевский, «христианская церковь устанавливала цели научного знания. Оно должно было представить учение церкви в виде научной системы, в форме правильных умозаключений». В течение долгого времени православие поддерживало среди русских ученых догматическую и традиционную концепцию науки, причем не только в богословии, но и в других областях знания.

По Лаппо-Данилевскому, новации в сложившийся образ учености были принесены благодаря знакомству с латинскими книгами. Постепенно русские книжники усваивали некоторые представления формальной логики, изучали идеи Фомы Аквинского и другие работы по истории, такие как хроника Мартина Вельского. Это распространилось сначала в Киеве и несколько позднее - в Москве. Схоластика, по Лаппо-Данилевскому, несмотря на все изъяны, «имела некоторое значение для последующего развития русской образованности», способствовала «культуре разума», отвлеченному интересу к диалектике, «а также диалектическому мышлению учащихся. Русские люди, привыкшие жить традициями и настроениями, нуждались в такой дисциплине. Благодаря ей они могли приобрести некоторую наукообразность мышления, хотя бы в чисто формальном его смысле, они постепенно приучались рассуждать более точно и последовательно при помощи дефиниций, силлогизмов и аргументов».

Согласно Лаппо-Данилевскому, в XVIII в. наблюдается подъем светской школы, что в значительной мере связано с деятельностью Петра I. Но, по замечанию ученого, петровские реформы были облегчены ранее зародившейся светской традицией и усиливающимся воздействием европейского конфессионального типа культуры, хотя носили искусственный и даже насильственный характер. Научная мысль получает новые импульсы в XVIII в. под воздействием немецкой, французской и английской философских школ. Согласно Лаппо-Данилевскому, немецкая философия пробудила в русских кругах интерес к проблемам единства мышления, систематического понятия мира, хотя оно носило отпечаток трансцендентности и метафизики и переходило границы положительной науки и знания. Постепенно французское и английское влияние столкнулось с немецким и предотвратило полное подчинение русских ученых немецкому мышлению. Эти три потока влияний подорвали авторитет православной догмы и стимулировали свободное мышление.

По словам ученого, «...благодаря этим влияниям углубилось осознание ценности истинных знаний». Разностороннее влияние имело еще одно немаловажное следствие: «Оно давало русскому просвещенному классу возможность выбора знаний из различных источников и способствовало развитию мышления, свободного от предрассудков и традиций, оно расширило сферу их идей и породило космополитические и гуманистические настроения, оно познакомило русских с многосторонним проявлением науки и учений». Независимость мышления была усилена до некоторой степени, как полагает А.С. Лаппо-Данилевский, национальным чувством. Особенно это проявилось после войны 1812 г. и вылилось в соответствующую доктрину, сформулированную В.Г. Белинским: «... национальность есть альфа и омега нашего времени».

Новый этап в развитии русской научной мысли А.С. Лаппо-Данилевский связывает с великими реформами 60-х гг. XIX в. После устранения рабства, появления нового университетского устава 1863 г., открытия школ для обоих полов, ослабления цензуры русское мышление активизировалось.

Наука и познание становятся в России, по А.С. Лаппо-Данилевскому, русской наукой и познанием. В русских концепциях сознания как соединения воли, мысли, религиозного чувства интегральная точка зрения играет значительную роль, именно она выступает унифицирующим принципом.

Иллюстрацией последнего тезиса является в каком-то смысле сама работа А.С. Лаппо-Данилевского. Перед нами стройная концепция истории культуры и отечественной науки, базирующаяся на неокантианском представлении о «человеческом целом». Как отметил А.И. Клибанов, «индивидуализирующая методология Лаппо-Данилевского требовала исследования этого «целого» в любом из избранных предметных полей, во всех образующих его элементах, их взаимодействиях и динамике». Именно такой интегрализм свойственен труду Лаппо-Данилевского.

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=557549960998572>